

Во дни торжеств и бед народных

К ДНЮ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ

Четыреста лет назад, 13 апреля 1605 года, плотно пообедав, скончался царь Борис Годунов. Эта круглая дата, важная не только для отечественной, но и для ярославской истории, осталась практически не замеченной.

Ученой общественности об этой дате напомнила Наталья Каровская, кандидат культурологии, член Союза композиторов РФ, действительный член Ассоциации колокольного искусства России. Выступая недавно в педуниверситете, она рассказала о своих исследованиях той эпохи и об удивительных выводах, к которым она пришла.

История, как известно, крепко связала имя царя Бориса с гибелью в Угличе царевича Димитрия. Можно ли сегодня сказать что-то новое об этой трагедии, таинственной с самого начала, окруженной множе-

ством версий и так и не разгаданной ни современниками, ни потомками? Как ни фантастично, но Каровской это удалось.

В Угличском кремле к моменту этих страшных событий, напоминает она, было два собора – Константина и Елены, где молились только члены царской фамилии, и Спасо-Преображенский. История сохранила имена звонарей. В соборе Константина и Елены это был Федот Огурец, звонарь, псаломщик и священник одновременно.

Известно, что когда случилось несчастье, мать Димитрия приказала бить в колокола. При-

казание передали Огурцу. Тот побежал, но почему-то не к своему храму, а в Спасо-Преображенский собор. Припер дверь, чтобы никто не помешал, и принялся звонить в набатный колокол. Все это потом было зафиксировано документально в следственном деле.

Вместе с 30 тысячами угличан и наказанными в связи с угличскими событиями москвичами (всем им отрезали уши, они были биты батогами и сосланы) кара постигла и колокол. Ему отрубили ухо, вырвали язык, сплили с него часть изображения креста и тоже отправили в места отдаленные. Ссылные угличане, как было велено, несли его на себе. Сегодня тот колокол, возвращенный из Тобольска, можно увидеть в церкви Димитрия «на крови».

Наталью Каровскую заинтересовало, почему Федот Огурец зазвонил не в «свой», а в другой колокол? И почему имя звонаря потом ни в каких доку-

ментах больше не фигурирует и судьба его как бы совершенно не интересует ни представителей власти, ни местных летописцев, а все внимание отдается колоколу?

Когда появилась наука колокология, рассуждает она, музыковеды стали заниматься церковными колоколами. Но стоит вспомнить, что одновременно в старину существовали и гражданские – набатные и вечевые – колокола. Как правило, их никогда не смешивали с теми, которые считались «гласом божьим».

– Мне хотелось доказать, что вечевые, набатные колокола были, в отличие от церковных, гласом народа, «гласом воли» и именно так воспринимались и самими жителями, и властями.

Они вывешивались на особой звоннице, их звук означал тревогу, оповещал о событиях общественно важных, требующих всеобщего участия. Набатные – о пожарах, других несчастьях.

Вечевые – о сходках, народных собраниях (вечевой, кстати, в наших краях был лишь в Ростове, хотя веча там не было, – он созывал народ на Успенскую площадь). Гражданские колокола можно считать, таким образом, голосом города, неразрывно связанным с самим фактом его существования. Именно поэтому угличане и стремились его вернуть.

Подобное было не только здесь. Наталья Каровская приводит в пример сказания о великом плаче Пскова, Новгорода, Твери. Лишиться вечевого колокола было равносильно потере имени, потере воли, свободы самовыражения. А победители, соответственно, стремились этот «глас воли» заглушить, вызывая подчас совершенно обратную реакцию.

Слух о последствиях угличской драмы отозвался по всей Руси таким эхом, что отзвуки, как это ни поразительно, можно услышать до сих пор. Недавно,

рассказывает исследовательница, ей попался документ, свидетельствующий о том, что жители Сольвычегодска почему-то считали, что «настоящий» угличский колокол оказался в свое время у них. Ему приписывали чудесную силу. Существовал обычай омыwać этот колокол и давать полученную воду больным детям как лекарство.

Колокол – не только музыкальный инструмент, живущий на Руси уже тысячу лет. Колокол – политический символ. Известно, что колокола из городов, присоединенных к Московскому государству, сначала вывешивались на колокольне Ивана Великого, а потом шли на переплавку. В Царь-колоколе, например, точно есть металл новгородского вечевого колокола.

Так что дело действительно не в Федоте. Угличский набат был голосом воли, который всегда считался опасным для властей – еще со времен царя Бориса.

Татьяна ЕГОРОВА.